

Б. А. Бичеев
(д-р филос. наук,
ведущий научный сотрудник КалмНЦ РАН)

В. Л. Котвич о записи песен «Джангара»*
DOI 10.22162/2587-6503-2018-3-7-5-33

* Статья подготовлена в рамках государственной субсидии — проект «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования» (номер государственной регистрации АААА-А17-117030910099-8).

История записи десяти песен «Джангара» у выдающегося калмыцкого рапсода Ээлян Овла, сделанной в 1908 г. известным калмыцким ученым Н. О. Очировым, хорошо известна по воспоминаниям непосредственных участников этого события. Статья профессора В. Л. Котвича, по инициативе которого и был зафиксирован репертуар Ээлян Овла, в том или ином виде публиковалась неоднократно [Котвич 1958; Котвич 1967; Котвич 1980]. К сожалению, есть неточности в тексте статьи, изданной в 1967 г. в «Ученых записках» Калмыцкого НИИЯЛИ. Разнятся по тексту и две последующие публикации. При цитировании в данной работе мы обращаемся к публикуемому в первом приложении к нашей статье факсимиле рукописной статьи В. Л. Котвича из его личного архива, хранящегося в Польше [Приложение I].

В «Ученых записках» Калмыцкого НИИЯЛИ за 1967 г. патриарх калмыцкого джангароведения А. Ш. Кичиков издал воспоминания Н. О. Очирова, которые были написаны в 1960 г., после его возвращения на родину после долгих лет, проведенных в лагерях и ссылках [Очиров 1967]. Нам так и не удалось установить место хранения оригинала его мемуаров.

Известно, что В. Л. Котвичу удалось встретиться со сказителем Ээлян Овла только летом 1910 г., т. е. спустя два года после записи репертуара сказителя. В своих воспоминаниях он пишет, что «решил лично повидаться с Овла Эляевым и, по возможности, проверить доставленные мне записи. Случай к этому представился только летом

¹ Данная статья состоялась благодаря помощи кандидата филологических наук Т. Н. Богрдановой, которая приложила немало усилий в получении публикуемой здесь копии воспоминания В. Л. Котвича из его архива, хранящегося в Польше.

1910 г., когда я и провел с Эляевым несколько дней» [Приложение I, с. 7].

Среди тех сведений, которые оставил нам в своих воспоминаниях В. Л. Котвич, наиболее интересным с точки зрения изучения сказительской традиции выступает его замечание о том, что «по мнению самого Эляева и других калмыков, мелодия, которая играла у джангарчинов наибольшую роль, вообще только с трудом поддавалась усвоению. Легче было усвоить песню, чем овладеть мелодией. Она-то и решала вопрос о достоинствах джангарчина» [Приложение I, с. 9]. В данном случае речь идет об исполнительской манере сказителя, а она, как известно, у каждого рапсода своя. Если текст песни, состоящий из одной сюжетной канвы, мог варьироваться мастерством исполнителя расширять, сокращать, привносить новые элементы в структуру константных мест в содержании песни, то манера исполнения — это то, что не подлежало изменению и что выделяло рапсода среди других певцов эпоса. В памяти народа остается не эпическая песня, она могла быть и в репертуаре других джангарчи, а именно манера исполнения.

В. Л. Котвичу никогда не приходилось слышать «Джангар» в живом исполнении, и проблема исполнительской манеры не была для него предметом специального изучения. Вполне естественно, что для В. Л. Котвича мелодия исполнения Ээлян Овлы показалась «довольно однообразной», и он вынужден был признать, что «лишен возможности дать ей надлежащую характеристику». Тем не менее ему удалось в общем виде представить исполнительскую манеру сказителя. «Начиналась она высокой заунывной нотой и затем переходила в довольно быстрый, частый речитатив. Ритм обеспечивался не определенным количеством слогов в стихе, а более или менее одинаковой длительностью воспроизведения отдельных стихов. С этой целью чрезмерно длинные стихи распевались быстрее, короткие растягивались и даже пополнялись вставкой лишних слогов» [Приложение I, с. 10а].

Еще одним российским монголоведом, кому посчастливилось слышать исполнение «Джангара», был профессор К. Ф. Голстунский. С 1856 по 1888 гг., будучи преподавателем Санкт-Петербургского университета, К. Ф. Голстунский регулярно и подолгу бывал в калмыцких кочевьях [Решетов 1967]. В начале 1860-х гг. его усиленные поиски сказителей «Джангара» увенчались успехом. В своих воспоминаниях В. Л. Котвич пишет об этом достаточно подробно. «Имелись, однако, точные указания о существовании целого ряда незаписанных песен, и

Голстунский решил их разыскать. В то время задача эта не была трудна: всюду еще имелись хорошие сказители, и по его просьбе местные влиятельные лица из числа знакомых калмыков пригласили к себе лучших сказителей и оказали полное содействие к организации занятий с ними. Дело началось с пения известных сказителям песен, и тут они с полной готовностью выказали все свое искусство и знание. В той несколько таинственной обстановке, в какой обычно исполнялся „Джангар“: вечером в присутствии многочисленных слушателей, с полной готовностью выказали все свое искусство и знание. Но дело осложнилось, когда им предложили повторить то, что они пели, днем в будничных условиях в форме рассказа для записи, с более или менее длительными остановками, приспособляясь к темпу записи.

Несмотря на обильное угощение, к которому джангарчины привыкли на своих нормальных сеансах, оказалось очень затруднительным добиться их согласия на новый, для них совершенно необычный, способ воспроизведения „Джангара“. Видно было, насколько этот способ для них был просто мучительным, и занятия то и дело прерывались. Этим и объясняется, что в то время, несмотря на благоприятные внешние условия, были записаны только две песни. Сама запись была произведена опытными грамотеями из калмыков, обыкновенным калмыцким письмом, под бдительным контролем Голстунского, который и издал обе песни в 1864 г. литографским способом в точности согласно этой записи» [Приложение I, с. 2–3].

Более сжатую информацию об этом же событии В. Л. Котвич дает в своем письме к С. А. Козину от 12 марта 1937 г. из Львова.

«Голстунский как-то рассказал мне, что одну из поездок в астраханские степи он посвятил на розыски „Джангара“. Местные нойоны без особого труда вызвали в свои ставки джангарчи, которые пропели две песни, а затем продиктовали их текст, который и был записан писарями (бичечи). Сам Голстунский только следил за правильностью записи» [Переписка 1967: 195].

Главной целью поездки В. Л. Котвича в Калмыцкие степи в 1910 г. была встреча с самим сказителем и проверка доставленных ему в 1908 г. записей Н. О. Очирова. В архиве В. Л. Котвича сохранилась тетрадь с пометками, которые он делал во время проверки текста вместе с калмыцким джангарчи. Факсимиле этого листа публикуется во втором приложении к нашей статье.

На первом листе три пометки, относящиеся к главе о женитьбе Хонгора — «Глава о Хонгоре (гер авагсан бөлөг)» [Приложение II, с. 1]. В конце записи отмечено время и место записи — «Ики-бухусский хурул. 27 июля 1910 г. 3 часа дня» [Приложение II, с. 2].

В своих воспоминаниях он пишет: «Для занятий мы с Эляевым расположились возле летней стоянки хурула Ики-Бухусовского рода. Нам поставили здесь юрту; Эляев перевез часть своего домашнего скарба (кровать, сундуки, кухонная утварь), и мы провели с ним в обычных для него условиях более недели, проверяя привезенные мною записи. Тут Эляев, кажется, после некоторых колебаний сообщил, что он знает еще одну песню, и по моей просьбе продиктовал ее мне. По-видимому, некоторые места он помнил не совсем твердо; при том она имела несколько иной вид (без общего для других песен начала). Но, во всяком случае, подтвердилось существование еще одной песни, по счету одиннадцатой» [Приложение I, с. 10].

В письме от 14 апреля 1936 г. С. А. Козину он пишет: «Кроме тех песен, изданных в хрестоматии Позднеева, в архиве б[ывшего] Азиатского музея хранится подлинная запись десяти песен, сделанная в 1908 г. Очировым. В 1910 г. я записал от того же рассказчика еще одну песнь, хотя неважную. Хранится у меня» [Переписка 1967: 193].

Сверяя текст записи Н. О. Очирова под диктовку Ээлян Овлы, В. Л. Котвич вносил исправления и отдельно помечал пропуски в тексте. Записи, по его словам, оказались точными, и поправок он внес немного. Пришлось только дать новые заглавия всем песням [Переписка 1967: 196]. В нашем распоряжении оказалась копия всего лишь одного листа, на которой отмечены пропуски строк в песне о женитьбе богатыря Хонгора.

Текст этой песни при записи Н. О. Очировым поместился на 10 больших листах, записанных мелким почерком. Первый пропуск, согласно отметке В. Л. Котвича, относится к тексту 3-го листа. Пропущенный абзац отмечен им сплошным текстом без разбивки на строки.

Бум күцүгсн цахәрін: өмнө биүегүр ергәд, бумба дала гидг далаң көв әде, бум күцад бурлүгсн хурлинь зөб ергәд орклә жүн гедг ежәсә харсн имә сәхн күн би, жүн гедг мөрнәсә гарәгсн мөрн имә сәхан би gezi. Ардәснi цуһар хәлән шинжілен бәдг [Приложение II, с. 1].

Этот отрывок текста относится к эпизоду приезда Джангара в ставку Замбал-хана. В издании текста «Джангара» 1960 г. этот эпизод напечатан в следующем виде:

Күрл хар бääшнъд
Шидрдс гигъад күрэд ирв,
Бумб дала гидг далан көвэд,
Бум күцэд бүүрлгсн хурлинь зөв эргв.
Арнзл зеерднь
Бөдүн өвсиг бөлшдгъл уга,
Нәрн өвсиг нääхлүл уга,
Талтнь-тултнь сайгар йовна [Джанъгър 1960: 23].

В двухтомном издании текста 25 песен «Джангара», подготовленного А. Ш. Кичиковым, этот фрагмент уже представлен в уточненном виде:

Күрел хар бääшенде
Шидердесе гинэд күрэд ирве.
Бум күцегсен цахъриинни
Өмне бийәһүр эргэд,
Бумба дала гидег далан көвәде,
Бум күцэд бүүрлегсен
Хурлыыни зөв эргеве,
Арънзъл Зээрдни бүдүн өвсииге бөкилһел уга,
Нәрен өвсииге нәэхлүлел уга,
Талтъң-тулттъң сайгар йовбъ [Жаңһър 1978: 31]

По всей вероятности, с учетом отмеченного В. Л. Котвичем пропуска, этот эпизод в исправленном виде должен выглядеть следующим образом:

Күрел харъ бääшенде
Шидердесе гинэд күрэд ирве.
Бум күцегсен цахъриинни
Өмне бийәһүр эргэд,
Бумба дала гидег далан көвәде
Бум күцэд бүүрлегсен
Хурлыыни зөв эргэд оркъхла,
Юн гидег ээжәсе һарсан ииме сәәхен күмбе,
Юн гидег мөрнәәсе һарагсан мөрън иим сәәхенве гежи,
Ардасани цуһаар хәләән шинжилен бәәдег.
Арънзъл Зээрдни бүдүн өвсииге бөкиилһел уга,
Нәрен өвсииге нәэхлүлел уга,
Талтъң-тулттъң сайгар йовбъ...

Второй пропуск, который указан в тетради В. Л. Котвича, связан с эпизодом наказания богатырем Хонгором отца своей невесты Замбал-хана. Хонгор убивает своего соперника Тенгерин Тала Бюса, а затем и свою невесту Зандан Гэрел рагни, которая оказалась бесовкой. В гневе он стаскивает за волосы Замбал-хана с престола, выволакивает из дворца, вырезает с его спины три полоски, трижды хлестнув его плеткой по ране, забрасывает его обратно на престол через окно дворца.

Вот как отмечены пропущенные строки в этом эпизоде у В. Л. Котвича:

Танā гарһагсн үлмән ене билтāl гежі келāд терзәр хәрү шiwēд окво
[Приложение II, с. 1].

В издании текста «Джангара» 1960 г. этот эпизод напечатан в следующем виде:

Күрл мөнъгн бāāшнъд күрād ирв,
Арвн хойр терзинъ балвчад,
Алтн ширā деер бāāsн Замбл хааг
Девд мөнъгн шалваснъ чирād,
Гаргъад авад ирв.
Зоогъаснъ гурвн сур авад,
Түүнā ормар дарн гурв малядād,
Ширā талнъ хәрү шивб [Джанъгър 1960: 30].

В двухтомном издании текста 25 песен «Джангара» эпизод представлен в том же виде [Жаңһър 1978: 47]. С учетом отмеченного пропуска этот эпизод, по всей видимости, в полном виде должен выглядеть следующим образом:

Күрел мөңген бāәшенде күрād ирве;
Арвн хойър тәрзиини балвчад,
Алтн ширā дээр бāәсен Замбъл хаагъ
Дэвед мөңген шалвасни чирād,
Һарһад авад ирве.
Зооһасни һорвн сур авад,
Түүни ормар дарн һорв малядад:
– Тана һарһасан үлмәән эне билтэл гежі кэлād,
Тэрзәр ширә тални хәрү шивэд оркъв...

Последняя запись относится к финальной части песни о женитьбе богатыря Хонгора.

ергүлн күргүөүе. Тере с̄хн з̄рһл де езн богдо Заңҗрні бадмін с̄хн уөріл т̄ббе. Бурхані шаҗн нарні герл метү мандалwa, жіртмзін төрөні хада метү батрзі б̄ан̄ [Приложение II, с. 2].

В издании текста «Джангара» 1960 г. заключительные строки песни выглядят следующим образом:

Нәәрин сүүлднъ богд Джанъҗрнъ
Бадмин сәәхн йөрәлән тәвәд мордв.
Арднъ, сәәдүдин нәр таргсн цагт,
Шилтә Зандн Герл хатн
Тавн сар газрт
Әрә багтмар бүүрлгсн алвтиг
Зүс-зүсәрнъ тоодж,
Хоңҗрин герт орулдж гарҗад,
Бурхнъ шадҗн нарна герл мет мандлад,
Йиртмдҗин төрнъ хад мет батрад,
Джирҗдҗ дүргдҗ бәәдг мөн [Джанъҗр 1960: 61].

В двухтомном издании текста 25 песен «Джангара» этот эпизод опубликован в том же виде. С учетом отмеченного пропуска финальный абзац, видимо, будет выглядеть следующим образом:

Нәәриин сүүлдени богдъ Жаңһрни
Бадмиин сәәхен йөрәлән тәвәд мөрлеве.
Ардъни, сәәдүдиин нәәр таръсн цагтъ,
Шилтә Зандън Гәрл хатън,
Тавън сара һазърт
Әрә багтъмар бүүрлегсен алвътыыге
Зүсе зүсәрни тоожи,
Хоңһриин гәрте орулҗи һарһад,
Эргүлен күргеве.
Тәре сәәхън жириһлде
Эзен богдъ Жаңһрни
Бадмиин сәәхен йөрәлән тәвебе.
Бурхании шаҗни нарна гәрел мәте мандълад,
Йиртемҗиин төрни хадъ мәте батрад,
Җирһеҗи дүргеҗи бәәдег мөн.

Встреча В. Л. Котвича с Ээлян Овла, которая проходила спустя два года после записи репертуара сказителя, указывает не на имеющиеся пусть и небольшие пропуски в записях Н. О. Очирова, а скорее на те-

кучесть текста сказителя в его вариативной части. А если учесть замечания Котвича о том, что при исполнении эпоса «чрезмерно длинные стихи распевались быстрее, короткие растягивались и даже пополнялись вставками лишних слогов», то слова песни о женитьбе Хонгора могли быть произнесены сказителем именно в том виде, в котором они были зафиксированы Н. О. Очировым. С. А. Козин в своей работе «Джангариада» отмечал, что «невыдержанная аллитерация, неполная и несовершенная рифма, а также капризный размер стихов и прозаические места создают исключительные затруднения в работе по выделению строф» [Козин 1940: 61].

Таким образом, работа с текстами песен «Джангара» требует определенного внимания со стороны монголоведов. Необходимо активизировать работу по выявлению в отечественных и зарубежных архивах оригиналов записи песен «Джангара» для их текстологического анализа.

Источники

- Джангъгър. Хальмг героическ эпос. М.: Вост. лит., 1960. 362 с.
Жаңгър. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст). II боти. М.: ГРВЛ, 1978. 416 с.

Литература

- Козин С. А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 250 с.
Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 196–199.
Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи // Ученые записки. Вып. 5. Серия филология. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 188–192.
Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи // Теегин герл. 2008. № 6. С. 8–12.
Очиров Н. О. О записи оригинала «Джангара» // Ученые записки. Вып. 5. Серия филология. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 52–54.
Переписка В. Л. Котвича с С. А. Козиным // Ученые записки. Вып. 5. Серия филология. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 193–199.
Решетов А. М. К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа // Mongolica-V: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 6–14.

ДЖАНГАРИАДА И ДЖАНГАРЧИ
(Из личных воспоминаний)

(1)¹ Когда в 1891 г. я поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, монголоведные науки преподавались там двумя известными профессорами: К. Ф. Голстунским и А. М. Позднеевым. Занятия калмыцким языком вел всецело первый из них, уже в то время старый человек, но еще крепкий и бодрый, проявлявший на лекциях немало темперамента и увлечения. Читались и толковались калмыцкие народные сказки, краткая калмыцкая история, а по временам и степное уложение 1640 г. От него-то слушатели узнали о существовании дивной национальной² эпопеи «Джангар», в деле нахождения которой профессор положил едва ли не наибольшие заслуги.

В одной из частных бесед К. Ф. Голстунский сообщил мне некоторые сведения по этому предмету. Он еще молодым человеком столкнулся с калмыками, поддерживал с ними постоянные сношения и часто посещал приволжские степи. Одну из поездок в начале 60-х годов он посвятил на занятие Джангариадой, которая до тех пор была известна только по трудам Бергмана и Бобровникова. Имелись, однако, точные указания о существовании целого ряда незаписанных песен и Голстунский решил их разыскать. В то время задача эта не была трудна: всюду еще имелись хорошие сказители и по его просьбе местные, влиятельные (2) лица из числа знакомых калмыков пригласили к себе лучших сказителей³ и оказали полное содействие к организации занятий с ними. Дело началось с пения известных сказителям песен и тут они с полной готовностью выказали все свое искусство и знание в той⁴ несколько таинственной обстановке, в какой⁵ обычно исполнялся «Джангар»: вечером в присутствии многочисленных слушателей, с полной готовностью выказали все свое искусство и знание. Но дело осложнилось, когда им предложили повторить то, что они пели, днем

¹ В круглых скобках здесь и далее даны номера страниц в рукописи В.Л.Котвича. — Б. Б.

² Слово «национальной» зачеркнуто, сверху карандашом написано «калмыцкой». — Б. Б.

³ Слово «сказителей» зачеркнуто, сверху карандашом написано «джангарчинов». — Б. Б.

⁴ Здесь написано и затем зачеркнуто слово «обстановке». — Б. Б.

⁵ Здесь написано и затем зачеркнуто слово «ими». — Б. Б.

в будничных условиях в форме рассказа для записи, с более или менее длительными остановками, приспособляясь к темпу записи.

Несмотря на обильное угощение, к которому джангарчины привыкли на своих нормальных сеансах, оказалось очень затруднительным добиться их согласия на новый, для них совершенно необычный, способ воспроизведения «Джангара». Видно было, насколько этот способ для них был просто мучительным, и занятия то и дело прерывались. Этим и объясняется, что в то время, несмотря на благоприятные внешние условия, были записаны только две песни. Сама запись была произведена опытными грамотеями из калмыков, обыкновенным калмыцким письмом, под бдительным (3) контролем Голстунского, который и издал обе песни в 1864 г. литографским способом в точности согласно этой записи. Впоследствии она без всяких изменений была воспроизведена А. М. Позднеевым во всех трех изданиях его «Калмыцкой хрестоматии» (1892, 1907, 1915) и в отдельной публикации (1911). Перевода этих песен, к сожалению, не существовало вплоть до наших дней, и потому они почти не были известны вне узкого круга монголоведов.

После К. Ф. Голстунского долгое время никто уже не делал попыток розыска новых песен «Джангара», а тем временем эта эпопея стала¹ быстро забываться. Джангарчины стали попадаться все реже и реже. Жизнь мельчала, условия быта менялись, степь беднела. Все сильнее сказывалось русификаторское влияние, не благоприятствовавшее поддержанию национальных и народных традиций.

При переходе с 3 на 4 курс, когда я уже достаточно справился с монгольским и калмыцким языками, профессора предложили мне отправиться на лето 1894 г. в Астраханские степи для ознакомления с жизнью и речью калмыков и, по возможности, с их народным творчеством. При этом было рекомендовано обратить внимание на «Джангара» и, если обстоятельства позволят, перевести вторую из записанных² К. Ф. Голстунским песен — о Хара-Кинесе.

(4) Отправился я вместе с одним из своих однокурсников и для занятий выбрал ставку Хошеутовского улуса. Там на левом берегу Волги, нам поставили юрту и прикомандировали двух сведущих калмыков, но, к сожалению, это не были джангарчины. Об их существовании хо-

¹ Слово «стала» зачеркнуто, сверху карандашом написано «начала». — Б. Б.

² Слово «записанных» зачеркнуто, сверху карандашом написано «изданных». — Б. Б.

дили лишь смутные слухи, но сами они оказались для нас недостижимыми. Переведя с немалым трудом упомянутую песню и составив к ней словарь, мы переехали на короткое время в село Лебяжье и там проверили свой перевод с еще лучшими знатоками народного творчества, но тоже не джангарчины¹. По возвращении в столицу мы передали свои работы вместе с кратким отчетом о командировке своим профессорам. Изданы они не были, и лишь А. М. Позднеев принял их во внимание при составлении своего «Калмыцко-русского словаря» (1907).

Эпопея произвела на меня сильное впечатление, и я делал неоднократно попытки к розыску джангарчинов. К сожалению, лично мне редко удавалось бывать в калмыцких степях, но я пользовался своими все расширявшимися знакомствами с калмыками, представители которых часто заглядывали в столицу, для расспросов о джангарчинах и их розыска. Еще более реальный характер (5) приобрели мои попытки, после того, как в столицу стала приезжать калмыцкая молодежь для обучения в разных высших учебных заведениях, а мои слушатели начали устраиваться на службу в калмыцких степях. Однако долгое время все мои усилия оказывались безуспешными. Получались только неясные сообщения о существовании джангарчинов, а в тех случаях, когда было возможно принять меры проверки² доходивших слухов, оказывалось, что это были джангарчины новой формации, черпавшие свое вдохновение в изданиях европейских ученых.

Постепенно начала слагаться уверенность, что подлинных джангарчинов уже не найти, по крайней мере без систематического, личного объезда всех групп калмыцкого народа. В этом смысле высказывались и многие из калмыцких деятелей.

К счастью, нашему пессимизму суждено было развеяться. В 1905–1908 гг. я воспользовался тем, что учившиеся в Петербурге калмыцкие юноши проявили большой интерес к родному творчеству, и еще раз

¹ Первоначально было написано «джангарчи», затем карандашом приписано «на» или «ны» (карандашная приписка не ясна и расположена в конце строки, на краю бумажного листа). — Б. Б.

² В рукописи это место в черновом варианте записано так: «Получались только неясные сообщения о существовании джангарчинов, столь неясные, что даже нельзя было принять мер к их проверке. Ясно было, что без систематического объезда степей дело не подвинется. К счастью ...». Но затем абзац был переписан. Новый абзац, начинающийся со слов «к счастью», следует ниже, в нем говорится о встрече с Э.Овла — Б. Б.

(6) обратился к их содействию для выяснения живо интересовавшего меня вопроса. На этот раз результат был положительным. Осенью 1908 г. я узнал, что в Большедербетовском¹ улусе найден хороший джангарчи Овла Эляев, который знает десять песен, и даже получил полную запись одной из них. Немедленно, при содействии Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, членом которого я состоял, были приняты немедленно меры к записи остальных девяти песен, и в скором времени они уже имелись в Петербурге. На этот раз запись была произведена в фонетической транскрипции, т. н. русской лингвистической азбукой. Кроме того, была зафиксирована и мелодия при помощи фонографа.

Открытие новых песен «Джангара» произвело немалую сенсацию в научных кругах столицы. Особенно было важно то обстоятельство, что на этот раз удалось записать целый цикл песен, крепко спаянный в одно органическое целое, в то время как раньше исследователи имели дело только (7) с отдельными песнями. Оставался неясным вопрос об отношении их к новому циклу; существовало опасение, что этот последний не обнимает полного их комплекта, т. к. среди калмыков существовало твердое убеждение, что такой комплект состоит из двенадцати песен по числу богатырей-сподручников главного героя Джангара.

В виду большой важности, который представляет Джангариада не только для монголо-калмыцкой, но и мировой эпической литературы, я решил лично повидаться с Овла Эляевым и, по возможности, проверить доставленные мне записи. Случай к этому представился только летом 1910 г., когда я и провел с Эляевым несколько дней.

Овла Эляев принадлежал к Ики-Бухусовскому роду, Большедербетовского² улуса. В то время ему было около 60 лет, но он пользовался хорошим здоровьем, был бодр и полон жизненной энергии. Однако в материальном отношении положение его было далеко не блестящее. Это был настоящий калмык-пролетарий: ветхая юрта с бедной обстановкой, двухлетний жеребенок и пара голов рогатого скота — вот все имущество последнего, как мне (8) в то время казалось, джангарчина.

На нем тяготели какие-то недоимки, и когда слухи о приезде столичного гостя распространились по округе, еще при мне явился для их взыскания сборщик податей со всеми атрибутами своей власти: часть

¹ Здесь ошибка. Должно быть в Малодербетовском улусе. — Б. Б.

² Здесь ошибка. Должно быть: Малодербетовского. — Б. Б.

сказительского гонорара тут же была зачислена¹ в ресурсы казны, прежде чем Эляев мог им воспользоваться для своих насущных потребностей².

Эляев был вдов. Его единственный сын Манджи имел свою семью, но был такой же пролетарий, как и его отец: главным источником его существования был в то время резка камыша для надобностей хурула их рода.

Юные годы Эляев провел у одного из своих родственников, который пользовался известностью, как хороший джангарчи. В то время еще существовал в калмыцком обществе значительный спрос на эту специальность, и им жилось довольно хорошо. Нужно было только посещать, по своей инициативе или по приглашению, места скопления народа, главным образом на разных празднествах, торжествах, свадьбах. Всюду находились охотники послушать исполнение «Джангара», а в результате (9) джангарчи уезжал к себе с известным запасом средств к существованию. Эляев прислушивался к пению своего родственника и хорошо заучил известные ему песни. Долго только не мог он усвоить себе мелодии «Джангара». Быть может, мешало ему природное заикание, но, по мнению самого Эляева и других калмыков, мелодия, которая играла у джангарчинов наибольшую роль, вообще только с трудом поддавалась усвоению. Легче было усвоить³ песню, чем овладеть мелодией. Она-то и решала вопрос о достоинствах джангарчина.

Как бы то ни было, Эляев справился, в конце концов, и с мелодией, и по смерти своего родственника стал сам сказителем, но условия деятельности джангарчинов начали быстро ухудшаться, и он постепенно дошел до такого состояния, в котором я застал его в 1910 г. Никто почти уже не интересовался ни «Джангаром», ни его исполнителем. Проявление интереса из столицы было для Эляева большой неожиданностью. Это был последний и едва ли не наиболее яркий луч в его однообразной жизни.

(10) Для занятий мы с Эляевым расположились возле летней стоянки хурула Ики-Бухусовского рода. Нам поставили здесь юрту; Эляев перевез часть своего домашнего скарба (кровать, сундуки, кухонная утварь), и мы провели с ним в обычных для него условиях более не-

¹ Слова «была записана» зачеркнуты, сверху карандашом написано «поступила». — Б. Б.

² С этого абзаца и далее текст написан более мелким почерком. — Б. Б.

³ Слово «усвоить» зачеркнуто, сверху написано «запомнить». — Б. Б.

дели, проверяя привезенные мною записи. Тут Эляев, кажется, после некоторых колебаний сообщил, что он знает еще одну песню, и по моей просьбе продиктовал ее мне. По видимому, некоторые места¹ он помнил не совсем твердо; при том она имела несколько иной вид (без общего для других песен начала). Но, во всяком случае, подтвердилось существование еще одной песни, по счету одиннадцатой.

(10а)² Один из вечеров Эляев посвятил на то, чтобы продемонстрировать мне пение «Джангара». К этому, по его словам, нужно было подготовиться соответствующим образом, так как иначе пение «Джангара» весьма затруднительно для сказителя и может вызвать неприятные последствия для окружающих, вроде неожиданного вихря и т. п.

Приготовление, насколько мог заметить я, как не посвященный во все тайны, заключалось в том, что днем было заготовлено довольно изрядное количество арки (молочная водка, «тепленькая», по терминологии окрестного русского населения) и Эляев порядочно ею угостился. Сеанс начался вечером, видимо по старой традиции и носил характер какого-то культового акта. Мелодия была довольно однообразная. Она крепко врезалась мне в память, но, не обладая музыкальными способностями, я лишен возможности дать ей надлежащую характеристику, особенно после 30-летнего промежутка времени. Начиналась она высокой заунывной нотой и затем переходила в довольно быстрый, частый речитатив. Ритм обеспечивался не определенным количеством слогов в стихе, а более или менее одинаковой длительностью воспроизведения отдельных стихов. С этой целью чрезмерно длинные стихи распевались быстрее, короткие растягивались и даже пополнялись вставкой лишних слогов³.

Судьба не благоприятствовала и на этот раз моим занятиям Джангариадой. В 1910 г. началась революция в Китае, а за ней последовало народное движение в Монголии, и я оказался вовлеченным в иной круг интересов более практического характера.

Новые материалы для изучения «Джангара», как они ни были интересны, пришлось отложить в сторону, только калмыцкая молодежь, желая распространить среди своих сородичей новые песни, переложила фонетическую (11) их запись на обычное калмыцкое письмо и

¹ Слово «места» зачеркнуто, сверху написано «части». — Б. Б.

² Вставка из двух абзацев, написана В. Л. Котвичем на отдельной странице, которую мы поместили как 10а. — Б. Б.

³ Этим абзацем завершается вставка. — Б. Б.

издала их литографским способом. К сожалению, работа была выполнена не вполне удачно, и что самое важное, для ускорения дела были сделаны¹ довольно многочисленные сокращения текста. Еще больше, однако, сожаления заслуживает то обстоятельство, что некоторые материалы, связанные с именем Эляева, рассеялись по разным местам среди бурных событий, которые обрушились на наше поколение и не могли быть мною использованы теперь, когда интерес к Джангариаде, благодаря юбилею, столь сильно возрос.

Помещенные здесь фотографии Эляева относятся к 1910 г.

Вильно, декабрь 1940.

¹ Слово «сделаны» зачеркнуто, сверху написано «произведены». — Б. Б.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Джангариада и Джангарии Овля Филев.
(Из ^{личных воспоминаний}).

Когда в 1891 г. я поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, мои головные науки преподавались там двумя известными профессорами: К. Ф. Толстунским и А. М. Позднеевым. Знавший казачьи языки все время первый из них, уже в то время старый человек, но еще крепкий и бодрый, проявлявший на лекциях немало темперамента и увлечения. Там же и толковались казачьи народные сказки, краткая казачья история, а по временам и стенное чужое слово 1640 г. От него-то сугубо узнали о существовании дивной национальной песни "Джангар", которую профессор положил едва ли не на боковые записки.

В одной из частных бесед К. Ф. Толстунский сообщил мне подробности некоторых сведений по этому предмету. Он еще молодым человеком столкнулся с казачками, и затем поддерживая с ними постоянные сношения и часто посещая Аривольские степи. Одну из поездок в начале 60-х годов он посвятил на задание Джангариадой, которая до тех пор была известна только по трудам Бергмана и Боброникова. Имелись однако точные указания о существовании этого ряда не записанных песен, и К. Толстунский решил их разыскать. В то время дело это задача эта не была трудна: всегда еще имелись хорошие сказители и по его просьбе ~~не~~ знакомые местные, близкие

лица из числа знаменитых кармачиков пригласили к себе лучших сказателей и оказали полное содействие к организации занятий с ними. Дело началось с неких известных сказателей нескл и тут они ^{спрашивали} выказали все свое искусство и знание с полной готовностью. Но дело ошло к концу, когда им предложили в той обстановке некоего танцевальной обстановке, в какой ~~они~~ объектно исполнялся "Джангар": вечером в присутствии многих ерковских организаторов.

повторить то, что они несли, дали в будничных условиях в форме рассказа для записи, с более ^{или} менее ~~длительными~~ ^{длительными} ~~интервалами~~ ^{остановками}, прикоснувшись к теме записи. Несмотря на общее грохот, ^{который} ~~сопровождал~~ ^{сопровождает} Джангар призывали на своих ~~ее~~ ^{ее} нормальных сеансах, ~~они~~ ^{они} ~~даже~~ ^{даже} ~~оказалось~~ ^{оказалось} очень затруднительным добиться их согласия на новый, для них совершенно необычный, способ ^{воспроизведения} "Джангара". Видно было, насколько ~~был~~ ^{был} этот способ для них ^{просто} мучительным, и занятия то и дело прерывались. Такие и обстоятели, что в то время, несмотря на благоприятные, внешние условия, были записаны только две песни. Сама запись была произведена известными участниками из кармачиков, объективных кармачиков не было, но ^{длительными}

конторами Голстунского, который и усад
 оделенки в 1864 г. гиторагскими способами.
 в точности согласно той записи. В послед
 ствии она без верных изменений была
 воспроизведена А. И. Позднеевым во всех
 трех изданиях его Карлиевской ^{(1892, 1907, 1915), и}
 три ^{Позднеев в своей публикации (1911),}
^{Позднеев и др. востановили, но существовало в толь до наших дней и по}
^{тому они почти не были известны вне узкого круга монголоведов}

Вот:

С тех пор

После К. Ф. Голстунского долгое время
 никто уже не делал попыток розыска новых
 песен "Джангара", а тем временем эта ^{песня} ~~статья~~
 стала быстро забываться. Джангарские ^{статьи}
~~статьи~~ ^{статьи} ~~статьи~~ ^{статьи} ~~статьи~~ ^{статьи}
 все же ~~не~~ ^{не} ~~забыты~~ ^{забыты} ~~и~~ ^и ~~еще~~ ^{еще}. Мизан
 Меджата, условия быта мизанов, степь бедни
 та. Все сильнее сказывалось русификаторское
 влияние, не благодарившее поддерживавшее
 Жангари национальных и народных традиций.

При переходе с 3 на 4 курс, когда я уже
 достаточно справился с монгольскими и
 карлиевскими языками, профессора предложили
 мне отправиться на лето 1894 г. в Астра
 ханские степи для ознакомления с некото
 рыми карликами и, по возможности, с их народ
 ным творчеством. При этом было рекомендо
 вано обратиться внимание на "Джангара"
 и, если обстоятельства позволят, перевести
 вторую из ^{изданных} ~~данных~~ песен К. Ф. Голстунского
 песен-о Кара-Кинесе.

Отправился я вместе с одним из своих
однокурсников и для заданной выработки ставки
Д. И. Хошеутовского улуса ^{на} левом берегу
Волги. Тут нам поставили торту и прико-
мандировали двух сведущих камышников, но
к сожалению, это не были двигарии. Об их
существовании ходили лишь слухи
слухи, но сами они оказались для нас недо-
сягаемыми. Перевод с немалым трудом
упомянутую песню, ^{и составил к ней словарь} мне передали на корот-
кое время в село Лебедье и тут проверили
свой перевод с еще румынскими знающими
народного творчества, но там не двигарии.
Составил По возвращении в столицу мы
передали свои работы вместе с ^{краткими} заметками
о командировке своим профессорам. Издание
они не дали и лишь Ф. И. Позднеев принял их
во внимание при составлении своего, Кард-
слезко-русского словаря (1907).

Тоний проискета на меня сильное
впечатление и я держал неоднократно попыт-
ки к розыску двигарии. К сожалению, равно
мне редко удавалось бывать в камышковых
стенях, но я пользовался своими все расши-
рившимися знакомствами с камышниками,
представителями которых часто заглядывали
в столицу для справок о двигарии и
их розыска. Еще более реальней характер

приобрели мои попытки, после того, как среди
моих слушателей стали появляться люди
в столице стара иезуитов кадилыцкая
Мородець для обуглившись в ^{всех} разности
всех их уредных заведениях, а мои слушатели
они начали ^{устраиваться} на службу в кадилыцких
стенях. Однако долгое время все мои
успехи оказывались безуспешными. Поэтому
только ~~в~~ редкие сообщения о существова-
нии дисангартинов, ^{а более часто} ~~только редкие~~, ^{то}
даже ^{когда} ~~было~~ принято мер ^{к их} ~~к их~~ укреплению.
Дело было, что без систематического ^{объезда}
стеней дело не подвизается.

~~К счастью~~ голодавших случаев, оказыва-
лось, что это были дисангартинов новой формации,
терпевшие свое вдохновение в изданиях евро-
пейских уредов.

Постепенно начали ^{слагаться} уверенность,
что подлинных дисангартинов уже не найти,
но крайней мере без систематического
личного ^{объезда} всех ~~частей~~ ^{частей} ~~групп~~ ^{групп} кадилыцкой
карода. В этом смысле высказывались и
многие из кадилыцких деятелей.

К счастью, нашему неслышному ^{судебно}
делу ^{развешены}. В 1905-1908 гг. ^и ^{воспользовавшись}
тем, что в ~~Петербурге~~ уредившей в Петербурге
кадилыцкие ^{топосы} ^{продвились} ^{большой} ^{инте-}
рес к ~~их~~ ^{прогнозу} творчеству, и еще раз

отправился к им содействию гит и выде-
лений ^{на} интересовавшего меня вопроса.
На этот раз резюментам был порофементный.
Осенью 1908 г. я узнает, что ^в Восточной
тюркской улице Кайген Коромит Дженара
Обта Зидеб, и ^{на} ^{его} ^{имеет} который знает
десять тысяч, и ^{на} ^{его} ^{имеет} (занесъ ^в ^{список})
одной из них. Немедленно, при содействии
Русского Комитета для Исследования Средней
и Восточной Азии, ^в ^{котором} ^я
состоит, были приняты немедленно
меры к занесу остальных девяти тысяч
и в скором времени они уже имелись
в Петербурге. На этот раз занесъ была
приведена ^в ^{русскую} транскрипцию
^{которая} ^{т. е.} ^{русской} ^и ^{тюркской}
азбукой. Кроме того, записана была и
мелодия при помощи фонографа.

Открытые Новые тысяч Дженара
привели немалую сенсацию в казачьих
кругах столицы. Особенно было важно то
обстоятельство, что на этот раз удалось
занесать целую ^в ^{список} ^в ^{список} тысяч,
крепко спаянную в одно ^в ^{русское} ^{целое},
~~оставшееся только ^в ^{русском} ^{языке}~~, ^{до} ^{то} ^{время}
как раньше ^в ^{исследователи} имели дело только

В то время казались, дисангарсена.

На нем тогдашних каких-то новышки и когда слухи о приезде столичного гостя, распространились по округе, к нам еще при мне явились для их взманив, сборщик повастей и ~~часть~~ скадильского гонора со всеми этирибунтами своей властью; ~~и~~ часть скадильского гонора тут это ^{поступила} была ~~записана~~ в ресурсы казны преле же и Дзев мог им воспользоваться для своих насущных потребностей.

Дзев был вдов; ^{Манджи} ~~и~~ его единственной сын ^{имел} ~~был~~ свою семью, ^{но} ~~он~~ был такой же пролетарий, как и его отец; главным источником его существования была в то время розка камня для навабской хурлы их рода.

С тех годов Дзев прожил у одного из своих родственников, который пользовался известностью, как хороший Джангар. В то время еще существовал в камизском обществе значительный спрос на эту специальность и им занимался довольно хорошо. Нурко было ^{по своей инициативе или по приглашению,} только посещать ^{Месия} собрания народа, главным образом на рынках праздничных, и торжествах, свадьбах и ~~и~~ иффи. вербу находили ^{ожилики} ~~получают~~ исполнение Джангара, а в разувитансе

Джанарчи уезжал к себе с известными запасом средств к существованию. Глзев прислушивался к песне своего родственника и кароче заучил известные ему песни. Волею судьбы не мог он убедиться себе мелодию Джанарчи. Быть может, мешало ~~тогда~~ ему природное зрение, но, по мнению самого Глзева и других калыков, ^{старая} мелодия, играемая у Джанарчинов ^{была то-то с трудом поддавалась ужению.} наибольшую роль, (легче было запомнить ^{запомнить} песню, чем овладеть мелодией). Она-то и решила вопрос о воспоминаниях Джанарчинов.

Как бы то ни было, Глзев ^{в конце концов} справился с мелодией, и по смерти своего родственника стал сам сказителем, но условия ^{Джанарчинов} ~~не~~ ^{деятельности} ~~начали~~ ^{накануне} быстро ухудшались, и он постепенно дошел до того состояния, в котором я заметил его в 1910 г. Джанарчинов Гюйти Фикити уже не интересовался; ^{ни} никто не приглашал его на исполнение. Проявление интереса из столицы было для Глзева большой неожиданностью. Это был последний, и едва ли не наиболее яркий луч в его однообразной жизни.

У До 10-летнему.

Главн из ветров Элизев посвятили на то, чтобы де-монстрировали мне ~~это~~ пение встара. К этому, по его словам нужно было, подготовит, соотвествующим образом, так как ~~без этого~~ ^{мале поминать} ^{Этааира?} не возможно возмиза затурбийского для скажиля, и может даже вызвать неурядице последствиз для окружающих, в ряде неосведомленного Вехрс, и.т.п. Приготовления, насколько мож записать в, как ^{во все тайны} ~~неосведущенный~~, ^{заключено} в том, что нем было заложено довольно изрядное количество арки (малогой ладка, "тепленав", по терминологии окрестного русского населения) и Элизев порывисто ^{его} ~~при~~ угайивал. Скане начал вихром, видимо по старой традиции и носил характер какого-то кулачного акта. Молодик была довольно однообразная, она прямо врезалась мне в память, но не обладала музыкальными способностями, в месте возможности дать ей надлежащую характеристику, особенно после 30-летнего промежуток времени. Начинаясь она высокой заурядной нотой и затем ~~еще~~ ^{заволно} переходила в ^{заволно} басистый, каменный регитатив. Ритм обеспечивался не определенными количеством слогов в стихе, ^{более или менее} а ^{заволно} табличкой или темпом, а именно ^{все} произведением отдельных стихов. С этой целью чрезмерно длинные стихи ^{заволно} разбивались быстрее, короткие растягивались и даже поочередно вставляли лишние слога. Verbe!

их займись на обывное тельно капицкое и издача их
литографии способом. К сожалеию, ~~диз~~ работа болле
выполнена не вполне удачно, ^н что самое возможное, диз
ускоренная дела были ~~деланы~~ ^{произведены} довольно многочисленны
сокращения текста. Визе боллею однако сожале-
нии заслуживает то обстоятельство, что некоторые
материалы, связанные с именем Эдзела, рассеяны по
разным шестам среди бурных событий, ^{которые} ~~последней~~
~~обрушивших на нас покателем.~~ ^{последней}
~~верши века~~ и ~~но~~ не молчи лишь много использованы
теперь, когда интерес к Эдзелю нараде, Благоварь его
любиею, силью сильно возрос.

Помещенные здесь литографии Эдзела авторизованы
к 1910 г.

Вильно, декабрь 1940.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Уиба о Кошворос (ср авары
 ділор)

Змер (II сараны)

Е Ози күүгүсү: уакъти; омии Огъейи
 ердэ Огъа даи итэ даи
 көвәте Ози күүгүсү Огъейи Огъейи
 зид ердэ ирала жи редз ердэ
 Огъейи (сәхэ күү би жи итэ күү-
 ии корәи) жи (сәхэ би редз;
 Огъейи Огъейи сәдәи миитәвә
 сәдәи.

Уиба (IV)

Уиба карзәи илмән сәи ділор
 сәи сәи келәд мустәр күүгү
 сәи сәи Огъейи

епрнлр нпрнлр. Трре
сърн. еррн рз ер. сарн
чаррн ~~н~~ сарн сар
рррл мъррн. ррррн
рррн. каррн рррл мррн
мандана. рррн рррн мррн
рррн мррн рррн рррн

Ене сарн

рррн рррн рррн сарн
12 сарн сарн сарн рррн
рррн рррн рррн рррн
сарн

Трре

рррн рррн рррн

27 сарн 1910.

Зррн сарн